

ЗАТО за колючей проволокой

Заметки путешественника на короткие дистанции

СРАЗУ КАРТЫ НА СТОЛ: ЗАТО — это закрытое административно-территориальное образование, оно же город Озерск, оно же закрытый город, оно же, по старой терминологии, «почтовый ящик», оно же место нахождения пресловутого химкомбината «Маяк», того самого, где наши ученые сделали ядерную бомбу (ну, или что-то там ядерное и очень серьезное), оно же дитя Курчатова, и находится все это действительно за колючей проволокой. То есть в буквальном смысле весь город по периметру огражден от любопытных глаз и шаловливых разведчиков забором с колючкой поверху. А вдоль забора кто-то ходит хмуро, почесывая пальцем спусковой крючок «калаша» и подергивая от скуки поводок злой овчарки. И хотя с трех сторон забора нет, потому что Озерск окружен... правильно — озерами, злоумышленнику, пожаловавшему за ядерными секретами, трудно будет выйти сухим из воды, а скорее всего — он вообще оттуда не выйдет, а будет вытаскивать бдительными пограничниками при помощи банально го багра.

Но путешественника на короткие дистанции вообще, и меня в частности, интересовали не атомные изыски и способы их охранения, а люди, живущие среди этих изысков, благодаря и вопреки им. Вопрос стоял примерно так: чем они отличаются от нас, среднестатистических граждан России, и отличаются ли вообще?

Проникновение

Но сначала до Озерска еще надо было добраться. То, что город этот при всей своей секретности и закрытости остается все же глубоко российским, стало ясно уже на КПП. Автобус остановился у ворот, мы все вышли для прохождения паспортно-пропускного контроля и оказались перед вполне современным зданием с затемненными окнами и красивыми дверями. Как человек несведущий в процедуре досмотра, я пристроился в хвосте колонны и двинулся за коренными горожанами. Но почему-то никто не решился войти в красивое здание. Вместо этого мы обошли его и весенние лужи по замысловатой траектории и попали во двор трехдверного деревянного древне-зеленого сарая. А внутри его — узкий проход, вертушка и военная девушка за компьютером, которая в ответ на «здравствуйте» пристально посмотрела мне в глаза и протянула руку за паспортом (слава богу, не за автоматом, как я сначала в панике подумал). Хотел спросить у нее, сколько килограммов урана можно прихватить на обратном пути, но она так серьезно клала по клавишам, пока сверяла данные запроса с моими данными, что мне почему-то расхотелось шутить. Вместо этого стали закрадываться сомнения в подлинности собственного паспорта, подумалось: а вдруг в домоуправлении забыли поставить какую-нибудь маленькую цифирку или закорючку нарисовали слишком длинную, и меня сейчас за это арестуют? Но пронесло, и суровая военная разрешила мне проникнуть в Озерск.

Город

Если бы «Магнитогорский металл» выходил в Озерске, то каждому его жителю, кроме маленьких безграмотных детей, досталось бы по экземпляру. Но даже если не знать статистики, незагроможденность улиц жителями видна сразу. В солнечный субботний полдень на их «Бродвее» можно бегать зигзагом, широко расставив при этом руки, — никого не достанешь, если только

Местный художник Александр Марчук со своим собственным символом Озерска.

кто-то умышленно не нагубит прикосновением, что озерам несвойственно. Сам «Бродвей» хорошо просматривается от начала до конца и примерно равен по протяженности отрезку Сталеваров — Юность. Если добавить сюда еще пространство до курантов, то получится вся новая часть Озерска с пригородами. Дома здесь вполне высотные и современные, не считая того, что далеко не ко всем подведен газ. Одна девятиэтажка даже имеет аж двадцать один подъезд, из-за чего я, кстати, попал в просак. Мы сели в такси, и один местный парень, объявив улицу назначения, добавил: «Тридцать пять, одиннадцать». «У вас принято называть номер квартиры?» — как мне казалось, остроумничал я. «Это не квартира, а подъезд» — осадил меня. Поэтому, когда я увидел, что нумерация квартир в том же доме идет справа налево, я уже не пытался шутить, чтобы не прослыть окончательным лопухом из Магнитки. А вдруг этому тоже есть простейшее объяснение, что-нибудь обусловленное тихой жизнью вблизи ядерного реактора.

Есть еще старая часть города, та, с которой все начиналось в 1948 году. Там все несколько напоминает наш Ленинский район: невысокие каменные дома, здания с колоннами, вроде тех, что у здания нашего театра оперы и балета, волнистые перепады улиц. Считающаяся центральной площадью Озерска — с автовокзалом, с памятником Ленину с обязательными цветами от молодоженов, с трибуной для приветствия дефилирующих мимо демонстрантов — равна размерами площади перед нашим кинотеатром Горького. Если встать в

центре этого сердца города и посмотреть вдоль уходящей на восток улицы, то на расстоянии — внимание! — около пятисот метров вы увидите

Если бы «Магнитогорский металл» выходил в Озерске, то каждому его жителю досталось бы по экземпляру

край этого самого города. Если же перефокусироваться еще на несколько километров вперед, через большую пустошь, то на горизонте вы увидите легкий намет на промышленный силуэт — это и есть «Маяк». Когда мне предложили сфотографировать его, я отказался, но не из опасения быть перехваченным контрразведкой, а просто потому что — ну что там три малюсенькие трубы в отдалении? У нас в Магнитогорске их сотни и перед самым носом.

Плавные люди

Шок для магнитогорца — стоит занести ногу над проезжей частью, как все машины в пределах двухсот метров начинают тормозить, и не просто тормозить, а останавливаться! Да что там машины! Автобус с пассажирами, шедший по другой стороне довольно широкой улицы, встал без всякого светофора, как только я проявил намерение, по магнитогорской привычке проскочить перед ним. Я думал, он сломался, а он (теперь уже водитель, естественно) сложил руки на руле, улыбается и показывает: давай, переходи, мы не торопимся. Вот уж точно — они не торопятся, нигде и никогда. Подходишь к прилавку в

магазине, стоят две умиротворенные продавщицы и пассивно смотрят на что-то далекое. Ты достал деньги, сортируешь их по номиналу, расправляешь им углы, делаешь предварительные подсчеты в уме — продавщицы дают тебе на все эти манипуляции уйму времени. Потом обе наконец взглядывают на тебя, и одна уходит, по-видимому, чтобы не вмешиваться в интимный процесс покупки-продажи. Вторая вступает в диалог, выясняет, что в данный момент жизни меня интересует, вкратце делится своими соображениями по этому поводу, рассказывает, как она справляется с подобными проблемами, и уходит вслед за первой. С необходимым товаром возвращается почему-то первая, вдумчиво выбирает чек и приглашает посетить их еще. И вспоминается вдруг, что на самом-то деле я никуда не спешил, что мне только казалось, что надо торопиться, что дела могут подождать час-другой, что вообще мы слишком много суемтся в жизни. Эх, моя бы воля, я бы посещал эти тихие уголки еще и еще!

Правда, есть в такой размерности и свои минусы. Например, однажды (но только однажды!) под окнами сработала автосигнализация. Угадайте, сколько времени потребовалось озерчанину, чтобы отключить ее? Берите больше... больше... — полчаса! Разбуженный, я лежал в ночи и размышлял о судьбах автосигнализаций, их изобретателей и владельцев. И вдруг понял! Да ведь он просто не боится, что машину угонят. Куда угонять-то? Кругом забор с колючей проволокой. А зачем тогда установил? Наверное, потому — что прогресс, цивилизация. А почему долго не отключал? А чтобы все в округе знали, что он прогрессивный и цивилизованный.

Кстати, только сейчас до меня дошло: я ни разу не видел ни одной милицмейской машины! С ГАИ все ясно, при такой вежливости она теряет всякий смысл. Но милиция? Вот что значит секретный город, вот как умеют секретиться-маскироваться! А может, у них вообще милиции нет? От кого защищать-то? Город-то закрытый, никого лишнего, все, наверное, друг друга знают если и не по именам, то, по крайней мере, через ближайших знакомых. Если кто и провинится, так пожурят по-соседски — и весь правопорядок до копейки. Поэтому, почему девятюно процентов жителей против открытия Озерска для всех желающих, против приравнивания его к обычным суетным, беспокойным российским городам.

«Звени-город»

В советские времена жители Озерска, тогда Челябинска-65, считались белой костью. В самые дефицитные времена у них в магазинах, что называется, все было, прямо как в Москве какой-нибудь. И хотя сейчас все сравнялось, по словам одного из местных, население близлежащих «простых» городов по привычке завидует озерчанам и даже ненавидит их, считая, что там, за колючкой, запретный рай.

Какие-то элементы рая сохранились. Например, рабочих на комбинат (тоже комбинат, замечаете?) возят на шикарных импортных автобусах. Шутку по этому поводу я услышал такую: проживете, мол, вы хоть и недолго, но с комфортом. «Так все-таки облечение есть?» — спросил я. «Есть кое-где», — ответили мне. — Надо просто места знать, куда соваться, а куда нет. Я вот с дозиметром хожу по комбинату, контролирую радиа-

цию, работа у меня такая — и ничего. А вон Петровичу предложили вдвое зарплату против моей семитысячной, так он согласился и теперь лезит, куда не надо. Я туда не хочу, мне до шестидесяти дожить охота».

Как-то, уходя из гостей, я воспользовался стильной металлической ложкой для обуви. Местные переглянулись: «С комбината?» — «Оттуда». — «Ну, гость дорогой, теперь будут у тебя пятаки «звенеть» до конца твоих недолгих дней». Оказалось, шутят они так. Но в каждой шутке есть доля правды: тащить в дом и даже просто брать любые беспризорные вещи, какими бы стильными, новыми и богатыми они ни выглядели, в Озерске не следует. А вдруг с «Маяка?»

Может, по этой же причине в городе совсем нет бабушек, собирающих пустые бутылки? Да и пустых бутылок, честно говоря, на улицах нет. Может, они не пьют пиво? Выяснилось, что пьют, но не на ходу, не на улицах. Пьяных же в нашем понимании я встретил всего двоих, да и то вполне цивилизованно друг друга поддерживающих и мирно (!) договаривающихся о маршруте дальнейшего следования.

Ровно два я увидел и счетчика Гейгера, вернее, два табло с показателями радиоактивности. Один — на здании какого-то института, надо полагать, секретного, другой — прямо посреди города, на «Бродвее». Там бегущая строка сообщает, что сегодня (причем, каждый день) там-то во столько-то «состоится встреча единомышленников-волонтеров», потом проползает температура воздуха, потом — какая-нибудь реклама, потом, на долю секунды, но вполне различимо, мелькает «8 мкр/час». Как мне сказали, восемь микрорентген в час — это гораздо ниже допустимой нормы. А по поводу единомышленников-волонтеров мне сказали, что это, скорее всего, анонимные алкоголики. То есть, хоть и засекреченная, хоть и с американским налетом анонимности, но все же та же пьющая Россия.

Что до выравнивания уровня жизни, то вот вам простой факт: в этом городе совсем не продают бжушные сотовые. Выводы делайте сами.

Зато в ЗАТО по-прежнему дают государственные квартиры. Я сам лично разговаривал с женщиной, которая отстояла в очереди всего двенадцать лет и получила «двушку». В Магнитогорске мне такие везунчики не встречались. Правда, для получения квартиры надо быть безвылазным работником комбината, но это детали.

Еще о везении: у них нет трамваев. Я ходил по городу день, второй, вдыхал свежайший воздух, слушал журчание ручьев и все думал: отчего же здесь так раскрепасно, что даже голова ни разу не заболела? Оказалось все просто — нет трамваев. И тишина. И сосновый лес прямо в пределах жилых кварталов. И на горизонте местная Джомолунгма — гора со смешным названием Егоза. И отдаленность от внешнего мира, обеспечиваемая бетонным забором, колючей проволокой и пограничниками. Спокойствие, умиротворенность и плавность во всем, включая мысли. Одним словом, не зря озерчанам завидуют, все-таки это в каком-то смысле небольшой уютный уголок покоя на Земле, ЗАТО за колючей проволокой. Или, может быть, так — зато за колючей проволокой?

Геннадий АМИНОВ,
Озерск-Магнитогорск.